

Утром, собравшись при дворе, все министры яро обсуждали войну между Даюй и Западным Ся. Армия Западного Ся перешла в наступление, они даже сменили своего главнокомандующего. Маневры их армии полностью отличались от того, что было ранее. Чжао Минвэй не смог найти эффективного решения по противостоянию их новой тактике. После трех поражений подряд он принял консервативную стратегию защиты городов, обратившись за помощью в столицу. В своем докладе Чжао Минвэй неоднократно подчеркивал, что не имеет никакого права быть главнокомандующим, и просил его величество как можно скорее отправить генерала Гу обратно принять командование войском.

Возвышаясь над всеми, сидя на троне, император молча взирал на своих министров. Сяо Чэн возглавлял эту группу собравшихся чиновников. В эти дни отец и сын императорской семьи выглядели неважно – у обоих был болезненный цвет лица, оба имели худой изможденный вид. Император положил руку на лоб, хмуро сведя брови к переносице. Гул голосов министров с предложениями неустанным потоком лился ему в уши, время от времени смешиваясь с приглушенным кашлем Сяо Чэна, отчего его головная боль только усиливалась.

Сяо Чэн тоже держался из последних сил, просто, чтобы присутствовать здесь и сейчас в этом суде. Меч Шэнь Хуайши нанес ему серьезное увечье, оставив на всю жизнь калекой. Если вдруг не объявится какой-нибудь чудо-лекарь, ему никогда не стать прежним.

Другим человеком, который потратил всю свою силу воли на присутствие в суде, был Гу Фучжоу. Прикрыв глаза, он стоял вытянувшись, словно струна, погружившись в глубокие думы. По крайней мере так казалось со стороны.

«Генерал Гу и молодой мастер Линь только что поженились. Должны ли мы загнать его обратно на поле боя? Их супружеское ложе еще даже не успело нагреться», – вопрошал генерал У у собравшихся. У Чжань был хорошим другом Гу Фучжоу.

Погладив бороду, премьер-министр возразил: «Генералу У не стоит говорить такое. Только когда у человека есть страна, у него может быть семья. Неужели генерал Гу, столкнувшись с этим национальным бедствием, намерен бросить трехсот тысячную армию на Северо-Западе из-за своего нежелания покинуть царство нежности и ласки?*

[Примечание: 温柔 / wēnróuxiāng. 1) царство нежности и ласки, уютное гнездышко; 2) перен. нежные объятия женщины.]

У Чжань не сдавался: «Какое национальное бедствие? Министр Цуй слишком преувеличивает! Разве это всего лишь не горстка бандитов из Западного Ся? – У Чжань шагнул вперед, опустившись на колени, он обратился к императору. – Ваше величество, дайте мне десятитысячное отборное войско, и я немедленно отправлюсь на Северо-Запад в помощь генералу Чжао. В течение следующих трех месяцев я принесу Даюй великую победу!»

Премьер-министр скептически покачал головой, возразив: «Вы со своим тщеславием несете чушь, переоценивая свои способности».

Переполненный гневом У Чжань вспылел: «Я переоцениваю свои способности?! Тогда сами сделайте это!»

Император слушал, как эти двое препираются, не выказывая никакой реакции. Внезапно он обратился к одному из присутствующих здесь: «Наследный принц, что вы думаете обо всем этом?»

Сяо Чэн, казалось, не слышал его. Выражение его лица не изменилось, он явно мыслями был далек от этого места.

Император резко окрикнул его снова: «Наследный принц!»

Сяо Чэн наконец пришел в себя, ответив заученной фразой: «Ваш покорный сын поддерживает предложение».

«Поддерживаешь? И чье же предложение ты поддерживаешь?»

«Конечно же, я согласен с министром Цуем. – Сяо Чэн прервал свой ответ новым приступом кашля. – Ваш покорный сын нездоров и был невежлив перед судом. Я надеюсь, что мой отец-император простит меня за это».

Принимая во внимание состояние Сяо Чэна, император сдержал свой гнев перед собравшимися. Затем он обратился к Гу Фучжоу с тем же вопросом: «Гу Айцин, а ты что думаешь?»

В ответ ему снова была тишина...

После того как его проигнорировали дважды за несколько минут, император больше не мог выносить подобного. Он хлопнул ладонью по столу, сердито выкрикнув: «Гу Фучжоу!»

Гу Фучжоу открыл глаза, в которых мелькнуло секундное замешательство. Когда он увидел У Чжаня, стоящего на коленях перед императором в позе прошения, Гу Фучжоу уже смог догадаться, о чем спрашивал его сейчас император.

«Хотя генерал У – талантливый и выдающийся полководец, его военные таланты далеки от этой области. Я думаю, что в данном случае он больше подходит для руководства авангардом, – У Чжань бросал острые взгляды в сторону Гу Фучжоу, но тот просто делал вид, что ничего не замечает. – Местность на Северо-Западе – это в основном равнины и пустыни. Генерал У – опытный воин в сражениях на море, поэтому будет нецелесообразно отпускать его на Северо-Запад».

Доводы Гу Фучжоу были разумны и обоснованы, император не смог найти ни одной ошибки в его рассуждениях. У него не было выбора, кроме как поумерить свой гнев, согласившись с ним:

«Слова Гу Айцина разумны. У Чжань действительно не подходит для командования на Северо-Западе».

Премьер-министр воспользовался этой возможностью, чтобы вставить и от себя: «Генерал Гу уже много лет пребывал на Северо-Западе. Никто лучше его не знает, как маршировать по этим равнинам и пустыням. Для командования на Северо-Западе нет другой более подходящей кандидатуры, чем генерал Гу».

Военный министр тоже присоединился к его словам: «Генерал тайно вернулся в столицу, чтобы очистить свое тело от яда Небесного Паука. Теперь, когда проблема с ядом решена, и генерал успел даже с большой помпой жениться, вопрос о возвращении генерала в столицу давно перестал быть тайной для наших врагов. В Западном Ся уже прознали об отсутствии главнокомандующего в Юнляне, и поэтому осмеливаются действовать так нагло. Если генерал не вернется обратно, чтобы стабилизировать боевой дух армии на Северо-Западе, боюсь, что нас ждут еще большие бедствия с Западным Ся».

Нахмурившись, Гу Фучжоу решительно выступил вперед, приложив руку к груди, обращаясь к императору: «Позвольте мне повести войска в бой».

Несогласный с этим решением У Чжань поспешно выкрикнул: «Нет! Хотя яд Небесного паука был устранен, два покушения подряд на жизнь генерала серьезно повредили его тело. Лекарь говорил, что если генерал хочет прожить еще несколько лет, то он должен остаться в столице для восстановления сил».

Лекарь, о котором сейчас упомянул У Чжань, был никем иным, как молодой женой самого генерала Гу Фучжоу. Несколько дней назад У Чжань наведаясь в резиденцию генерала в качестве гостя, и генерал, наплевав на этикет, попросил свою молодую супругу выпить с ними за одним столом. Именно тогда супруга генерала поведала ему о состоянии здоровья генерала.

Гу Фучжоу был непреклонен, ответив низким голосом: «Мой народ нуждается во мне, вопрос моей жизни и смерти ничто по сравнению с этим».

«Как такое вообще может быть?! Сама жизнь и смерть генерала – это вопрос безопасности нации в будущем. Если вынужденное возвращение на Северо-Запад вызовет обострение старой болезни, не сыграет ли это на руку наших врагам из Западного Ся?!»

Усиливающаяся головная боль императора стала уже невыносимой. Он ожидал, что Сяо Чэн выступит и будет руководить общей ситуацией в суде. Но, кроме ответа на его вопрос, Сяо Чэн не проронил больше ни слова. Кто знал, где он сейчас витал в облаках?

Император возлагал большие надежды на наследного принца. Как же так все обернулось?

«Решение вопроса о назначении главнокомандующего откладывается до следующего

обсуждения. А пока разработайте план срочных мер, которые Чжао Минвэй сможет применить уже в ближайшем будущем. Заседание утреннего суда закрыто».

Истощенный физически и морально император с трудом поднялся на ноги, тут же пошатнувшись от внезапного приступа головокружения. Все министры дружно упали на колени, хором обратившись к нему: «Мы просим императора позаботиться о теле дракона».

Гу Фучжоу и У Чжань покидали суд вместе. У Чжань спросил боевого товарища: «Генерал, почему вы не позволяете мне отправиться вместо вас на Северо-Запад?»

Ответ Гу Фучжоу был тем же самым, что и в суде: «Вы совершенно не подходите для сражения на Северо-Западе. Поражение нашей армии приведет к тому, что наш враг поднимет голову еще выше. Это недопустимо».

«Но если я не возглавлю наступление, это придется сделать генералу. – возразил У Чжань, спросив полушутя. – Генерал готов променять свою молодую жену на пустыни Северо-Запада, разлучившись на несколько лет?»

«Естественно, я готов, – напыщенно ответил Гу Фучжоу. – Мужчина, имеющий высокие идеалы, ставит и высокие цели в жизни, стремясь оставить свой след в истории. Как можно быть привязанным к одному месту в мире ради любви?»

У Чжань был восхищен подобным ответом, поддержав его со всем пылом: «Генерал – настоящий образец подражания для всей нашей нации!»

Расставшись с У Чжанем, Гу Фучжоу увидел идущего ему навстречу евнуха с вазой в руках. Эта ваза была в половину человеческого роста. Несущему ее в руках перед собой, было невозможно хорошенько разглядеть, куда он ступает.

Евнух, провожавший Гу Фучжоу, испугавшись, что этот человек преградит путь самому генералу Гу, предупредил его, окликнув: «Сяо Сунцзы, иди помедленнее».

«Сяо Сунцзы? – переспросил его Гу Фучжоу. – Это не тот ли Сяо Сунцзы что из зала Циньчжэн?»

С большим трудом Сяо Сунцзы удалось выглянуть из-за вазы, вытянув шею. Увидев, что его спрашивает Гу Фучжоу, он поспешно проговорил: «Отвечая генералу, это действительно дежурный в зале Циньчжэн».

Гу Фучжоу еле заметно улыбнулся, заметив: «Я давно хотел познакомиться с тобой».

Сяо Сунцзы был ошеломлен этой неожиданной благосклонностью от генерала. Какая добродетель может быть у такого маленького евнуха, что генерал желал познакомиться с ним:

«Генерал должно быть шутит. Именно этот слуга давно мечтал о чести встретиться с великим генералом».

«Ты ведешь себя скромно. – Гу Фучжоу повернулся к евнуху, который сопровождал его до этого, приказав. – Пусть Сяо Сунцзы проводит меня из дворца».

Евнух, шедший впереди генерала, забрав вазу у Сяо Сунцзы, оставил их. А Гу Фучжоу продолжил беседу: «Я слышал, как моя госпожа упоминала о тебе».

Сяо Сунцзы ответил: «Лекарь Линь... Я имею в виду, жена генерала, лечила нас, скромных слуг».

Гу Фучжоу слегка кивнул, поинтересовавшись как бы между прочим: «Головные боли императора еще не прошли? Почему у него сегодня такой ужасный цвет лица?»

Сяо Сунцзы, достойный своего имени «Сяо Сунцзы», не задумываясь быстро ответил: «Отвечаю генералу, раньше здоровье императора действительно имело значительные улучшения. Но с приходом зимы, вернулись и сильные головные боли. Ранее так хорошо помогавшие лекарства и иглокалывание теперь не эффективны. Даже Линь Юань Пань беспомощен в этом вопросе».

Вернувшись в резиденцию, Гу Фучжоу не успел ничего спросить, как Юань Инь уже проинформировал его: «Госпожа сейчас должна быть в кабинете».

Гу Фучжоу передал свой головной убор чиновника Юань Иню и напрямик направился туда. Дверь, ведущая в кабинет, была распахнута. Отодвинув защищающую от ветра занавеску, он увидел сидевшего у окна, одетого в белое Линь Цинюя, изучавшего в это время игру в шахматы. В одной руке он держал учебник, а кончиком пальца другой небрежно перекатывал черную фигурку. Несмотря на яркое и живое лицо, его темперамент, словно у луны, был сдержан и холоден, далекий от всей мирской суеты. Хуань Тун стоял в сторонке, тихо добавляя уголь в печь.

Черт возьми, пожалуйста, пусть он навсегда останется в этом месте в мире ради своей любви.

Какое отношение к нему имел мужчина с идеалами, ставящий высокие цели в жизни и стремящийся оставить свой след в истории? Все, что он желал, это спать каждый день вдоволь, а проснувшись, оставаться дома, наслаждаясь созерцанием этой красоты.

Линь Цинюй был настолько поглощен изучением шахматной партии, что не заметил, как тот вошел в кабинет, пока не услышал знакомый голос: «Линь Цинюй...»

Линь Цинюй поднял глаза, спокойно спросив: «Что случилось?»

«Что значит твое „что случилось“?»

«Ты никогда не называл меня полным именем – Линь Цинъюй».

Гу Фучжоу спросил, уточняя, делая это намеренно: «Тогда как я обычно называю тебя?»

«Цинъюй или лекарь Линь. – Линь Цинъюй нахмурился, снова задав свой вопрос. – Что-то случилось?»

«Ничего, – лукаво улыбнулся Гу Фучжоу. – О, если бы не присутствие здесь Хуань Туна... Мне все время приходится напоминать самому себе, что мы должны свести к минимуму демонстрацию нашей близости. Он еще даже не женат, и при виде нашей нежной супружеской любви ему может быть грустно».

Хуань Тун возмущенно возразил: «Мне не будет грустно!»

А Линь Цинъюй попросил сварливо: «В следующий раз не называй меня полным именем. Я к этому не привык».

Гу Фучжоу коротко прокашлялся, не желая показаться слишком гордым собой, что сумел вывести красавчика из состояния равновесия, заставив беспокоиться, быстро заверил: «Я буду стараться изо всех сил».

Гу Фучжоу плюхнулся напротив Линь Цинъюя, взял белую фигуру в руки и начал играть ею, заметив небрежно: «Цинъюй, кажется, твой свадебный отпуск подходит к концу».

Ранее Линь Цинъюй уже объяснял Гу Фучжоу, что в рецепт лекарства от головной боли императора входили крылья Золотого шелкопряда Гу. Золотой шелкопряд Гу для каждого сезона принимает разные формы, и приготовление самого лекарства также должно меняться в зависимости от сезона. Даже его отец не знал подобных тонкостей этого дела. По мере того как погода будет становиться все холоднее, предыдущий рецепт постепенно потеряет былую силу. Если император не хочет, чтобы его снова замучили головные боли, у него не останется выбора, кроме как пригласить Линь Цинъюя обратно во дворец.

Линь Цинъюй несколько не удивился, когда услышал это: «Действительно?»

Вскоре после этого пришла Хуа Лу, позвав их на ужин. После ужина Гу Фучжоу стелая и жалуясь отправился на тренировочную площадку, чтобы снова тягать тяжести, а Линь Цинъюй продолжил свою незаконченную шахматную партию. Когда стемнело, они вернулись в свою спальню молодоженов и легли спать.

Посреди ночи Линь Цинъюй проснулся от жажды. Открыв глаза, он увидел, что в комнате горит свет. Это Гу Фучжоу зажег лампу, при свете которой что-то записывал, о чем-то

размышляя. Линь Цинюй понятия не имел, что тот мог писать в такое время.

Линь Цинюй был свидетелем многих случаев, когда Гу Фучжоу вел себя безалаберно. А когда он временами мог увидеть его серьезным, то вспоминал, что этот человек был таким же интриганом, как и он сам. Только большую часть времени ему было лень этим заниматься.

Линь Цинюй сел. Гу Фучжоу, услышав движение позади себя, обернулся, спросив и тут же поясняя: «Проснулся из-за шума? Я думаю о том, как недавно назначенный главнокомандующий Западного Ся использует свои войска. – Гу Фучжоу посмотрел вниз на маршрут движения противника, воссозданный им, основываясь на своих воспоминаниях и на том, что Чжао Минвэй прислал в своем докладе. – Это довольно интересно».

Линь Цинюй спросил его: «Почему же ты не делаешь этого днем?»

Гу Фучжоу без колебаний ответил: «Потому что днем я хочу развлекаться».

Линь Цинюй встал с кровати. Он надел верхнюю одежду, налил себе чашку чая и задал вопрос-уточнение: «Итак, ты обеспокоен военной ситуацией на Северо-Западе?»

«Нет, я просто как бы между прочим подумал об этом. – Гу Фучжоу небрежно держал кисть, помахивая ею. – В отличие от него, так жаждущего сражений и побед, я предпочитаю валяться дома».

Линь Цинюй принял все меры предосторожности, отступив на два шага назад. Он внимательно следил за кистью в руке Гу Фучжоу. Всякий раз, когда погруженный в свои мысли Гу Фучжоу вот так небрежно держал кисть, ему грозила опасность быть забрызганным чернилами.

Гу Фучжоу, заметивший его маневр, поинтересовался: «Что не так?»

Линь Цинюй спросил в ответ: «Ты снова пытаешься меня испачкать*?»

[Примечание: 弄脏 / nòngzāng. Слово, используемое здесь, может означать «испачкать», «загрязнять» или «осквернять».]

На мгновение замерев, Гу Фучжоу ту же подтвердил свои намерения, ответив с улыбкой: «Меня раскрыли. Кажется, я подумывал как раз об этом».

Автору есть что сказать:

Старшеклассник на самом деле хочет испачкать великолепного красавчика. Ты больше не невинен!

<http://bllate.org/book/15122/1336687>